

СЛЕДЫ ДО ПРОБУЖДЕНИЯ

Имя моей ошибки

Денис Пожидаев

Денис Пожидаев

Имя моей ошибки

<https://litres.ru/74305683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Край Отметин не скрывает своих починок: тут всё, что сломалось, помечают — и всё, что сделал не так, тоже. Мальчик Найр несёт имя ошибки, которую, кажется, совершил, — и город носит эту вину, как ярлык, не разбираясь, где кончается поступок и начинается стыд. Элиан, у которого своя нерешённая ошибка, помогает Найру разделить то, что смешалось: сделанное — и стыд за сделанное; вину — и себя целиком. Третья повесть — про стыд, который прирастает к имени, и про то, как назвать ошибку, не зачёркивая человека.

Содержание

Глава 1. Город, где не прячут швы	5
Глава 2. Это было моё	13
Глава 3. След, который не выбирает	20
Глава 4. Второй край листа	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Денис Пожидаев

Имя моей ошибки

СОН, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Цикл «Следы до пробуждения»

ИМЯ МОЕЙ ОШИБКИ

Повесть третья

Глава 1. Город, где не прячут швы

Край Отметин начался с дороги, которая не скрывала, что её чинили.

Каменные стены вдоль неё были в швах — не в трещинах, а именно в швах: старые разломы стянули скобами, залили другим камнем, и никто не стал заглаживать место стыка до гладкости. Мосты стояли на открытых укрепляющих скобах, как на видимых костях. Дома не прятали старые трещины — обводили их, подписывали, оставляли на виду. Даже дорожные столбы хранили слои прежних направлений: новую надпись не затирали поверх старой, а вешали рядом, чтобы видно было, куда указывали раньше.

— Мне тут нравится, — сказал Элиан, и это была правда. После Ладени, где прятали дверь, и Насторожья, где прятали страх, город, который не прячет своих починок, казался честным до самого камня.

Раньше шёл впереди уверенно, в настоящем: его следы теперь ложились ровно под лапу, не раньше и не позже, — так он ходил с того самого утра, как они вышли из Насторожья

по надписи «Сначала выясни, кто назвал ошибку твоей».

Белый ключ в плаще Карманыча то и дело нагревался. Но не везде.

— Он тёплый не у всякого шва, — заметил Карманыч, прислушиваясь к карману. — На простой починке молчит. А вот тут... — Он остановился у столба, где рядом с новой надписью висела старая. — Тут греется.

— Значит, ключ ведёт к тому, что чинили, — быстро сказал Элиан. — Идём по швам, и всё.

— Не спеши, — сказал Белый Укор. Он шёл с ними не всю дорогу, но к границе области подошёл — в белом, с чёрным колокольчиком, с несходящим серым пятном на рукаве. — Ты уже решил, что тёплый шов и заменённое имя — одно и то же. Проверь, прежде чем связать.

И проверка нашлась сама. Тильда, глядя двумя взглядами на придорожные камни, сказала:

— Старые надписи тут не стирают. Их оставляют рядом с новыми. Везде. — Она сдвинула брови. — Кроме тех мест, где ключ греется. Там старое имя не рядом. Там его нет. Его убрали, а не оставили.

Ключ был тёплым не там, где чинили камень. Он был тёплым там, где заменили имя.

Карманыч на ходу нашарил в плаще ещё одно и вытащил — пустую бумажную петлю, колечко из бумаги без единого слова.

— Петля от бирки, — сказал он. — А бирки нет. Тут ви-

село имя. Кто-то снял.

Впереди показался указатель — большой, каменный, с одним словом. Элиан прочитал его: «Исправень». А на один короткий миг, пока глаз ещё не привык, ему померещилось под этим словом другое, стёртое, — и он не успел прочесть какое. Он моргнул, и осталось одно: «Исправень».

За указателем, ниже по террасам, лежал город — тёплый, охристый, весь в открытых швах, многослойный, как хорошо чиненная вещь. Красивый. И где-то в нём одно имя было снято с петли.

У внешних ворот стояла открытая мастерская, и в ней мальчик чинил порванный лист.

Ему было лет двенадцать. Он работал быстро и точно: свёл края разрыва, проложил тонкий шов, промазал тёплым клеем, прижал воском. Он не спрашивал торговца, кто порвал лист и как. Он просто чинил. А кончив, поставил сбоку маленькую отметину — свой знак ремонта, не пряча его, как здесь было заведено.

От его рук пахло тёплым воском. Кусочек воска он, Элиан заметил, держал в левом кулаке и между делом сжимал — не для работы, а будто грел ладонь.

Торговец забрал лист, оглядел шов и поклонился мальчику ниже, чем кланяются за работу.

— Спасибо тебе, — сказал он. — И за то, что чинишь. И за готовность отвечать.

Мальчик ничего не поправил. Он кивнул и отложил инструмент.

— За что именно его благодарят? — тихо спросил Элиан у женщины, что стояла рядом, у закрытых ящиков. — За шов? Или за то, что он что-то порвал?

Женщина посмотрела на него внимательно. Это была Иrsa — старшая сестра мальчика и хозяйка мастерской, как Элиан скоро узнал; спокойная, крепкая, с руками мастера. Чужаков она приняла ровно — но, увидев в руках Карманыча белый ключ, чуть заметно напряглась, и ладонь её легла на крышку ближнего ящика.

— Работа закончена, — сказал вместо неё мальчик. Не Элиану даже — просто в воздух, как говорят затверженное. — Шов держит. Всё.

И Элиан понял, что здесь случилось, хотя и не понял пока, как глубоко. Мальчик подписал только свой ремонт — свой шов, свою работу. А торговец прочёл эту подпись шире: раз подписал — значит, отвечает; раз отвечает — значит, причастен. Подпись под починкой и признание вины смешались в одном поклоне, и никто, кроме Элиана, не заметил шва между ними.

Раньше подошёл, обнюхал починенный лист — и двинул-

ся не к мальчику. Он пошёл к торговцу и сел у его сумки, там, где, видно, лист и порвали.

Мальчик проводил зверя глазами и ничего не сказал. А Элиан отметил про себя: даже здесь, в мелочи, на торговом дворе, подпись и причина слиплись так, что их не различить на глаз.

Во внутреннюю мастерскую Ирсы пришёл человек за работой — сухой, немолодой, с руками в чернильных пятнах. Его звали Мерн Вязь, и он, как выяснилось, был наставником мальчика.

От него Элиан и узнал, кто такой Найр. Ученик восстановителя записей. Работает только с поздними слоями — с тем, что уже однажды исправляли; к первым, изначальным версиям его не допускают. И считается в Исправени примером: тот, кто оступился, исправился и вернулся. Живое доказательство, что город умеет возвращать.

Мерн выложил на стол свой рабочий журнал — подновить обложку. И Элиан увидел, как мальчик, едва глянув на журнал, изменился в лице.

На поле чужого журнала — журнала, которого Найр не касался, — бледно проступал его собственный знак.

Найр не показал этого никому. Он спокойно накрыл то место ладонью, будто придерживая страницу, а другой рукой, тем же движением, каким счищают лишний клей, снял верхний слой — и знака не стало. Всё за один вдох, тихо, привычно. Так убирают не грязь, а то, что не хочешь объяснить.

— Покажи-ка лист, — сказал Элиан.

— Это ничего, — сказал Найр.

И в тот же миг белый ключ в кармане Карманыча нагрелся — сильно, отчётливо, как не грелся ни у одного дорожного шва.

Ирса мягко подвинулась между Элианом и столом.

— Мерн пришёл за обложкой, — сказала она ровно. — Найр, покажи ему кожу, которую отложили. — И разговор свернул на кожу и клей, гладко, без нажима, так что и не придерёшься.

Но Элиан уже видел достаточно. Он видел, как чужой журнал взял себе знак мальчика — сам, без руки мальчика. Видел, как мальчик первым это заметил и первым спрятал. И слышал, как «это ничего» нагрело ключ сильнее любого честного шва.

Он решил пока ничего не говорить. Он решил смотреть за Найром — до того, как их позовут в Палату.

К Дому Первой Записи Найр повёл их через Нижние поля — широкие открытые площадки, где на деревянных рамах сушили документы, растянув листы, как бельё.

Собирался дождь. Небо над террасами набрякло, потянуло сыростью, и на полях спешили: перед дождём документы надо было снять и унести под навес. Распоряжалась переносом Дея Срез — резкая, немолодая, привыкшая, чтобы её слушали в спешке. Ровен Петель, помоложе, укреплял две рамы, которые кто-то соединил в одну тяжёлую, — и, укрепляя, торопливо прятал под перехлёст верёвки свой узел, будто узел был не из тех, что показывают. Мила Стеж, женщина с усталым лицом, стояла в стороне и ждала — ждала одну определённую раму, на которой сушилась её семейная записка.

Найр шёл и, Элиан видел, читал поле, как читают знаковую комнату. Он заметил на боковой стойке свой старый ремонтный знак — давнюю починку. Заметил натянутый до предела шнур. И, кажется, заметил что-то ещё, чего Элиан увидеть не мог, — потому что лицо у мальчика вдруг стало такое, будто он услышал чужой стыд раньше, чем тот прозвучал.

— Соединённая рама перегружена, — сказал Элиан Дее.

— Шнур на пределе. Остановите перенос, снимите половину, потом...

— Сначала спасаем листы, — оборвала Дея, не оборачиваясь. — Дождь не ждёт. Уточним после.

Элиан присел к натянутому шнуру. Шнур был старый, изношенный, лохматился по всей длине — а поперёк, у самого узла, темнел ровный старый надрез. Не случайный. Контрольный. Такой делают, когда проверяют состояние верёвки и хотят пометить, что проверили.

Он не успел спросить, чей это надрез.

Рама дёрнулась. Тяжёлая, сдвоенная, перегруженная, она качнулась под порывом ветра — и Найр, вместо того чтобы отойти, шагнул к ней.

И тогда раздался первый треск.

Глава 2. Это было моё

Треск стал грохотом.

Соединённая рама сорвалась. Тяжёлые створки пошли вниз, потянули за собой натянутый шнур, и всё разом полетело: листы, стойки, вода с промокшей бумаги. Мила Стеж не успела отойти — край рамы задел её по плечу, и она осела в грязь, зажав руку. Её семейная записка, та, что она ждала, лопнула по сгибу и упала лицом в лужу.

— Держи левую! Нет, правую стойку! — Дея выкрикивала команды, и они не сходились: то держать одно, то бросать и хватать другое. Ровен Петель застыл на помосте, вцепившись в перекладину, и не двигался.

Элиан кинулся к Миле, оттащил её из-под рамы. Карманыч ловил падающие листы полами плаща. А Найр рванулся к самой створке, поймал её, удержал плечом, не дал добить упавших.

И, удерживая, коснулся ладонью мокрого листа.

Элиан увидел, как мальчика повело. По лицу его прошло что-то чужое — быстрое, как судорога: он словно на миг ока-

зался не собой. Позже Найр скажет, что почувствовал тогда сразу несколько вещей, которых не делал: натяжение тугого узла под пальцами, чью-то мысль «потом скажу», чью-то чужую руку поверх своей. Всё это влилось в него за одно касание и осталось тяжестью под кожей.

— Кто отвечал за раму? — Дея уже была на ногах, и голос у неё стал твёрдым, деловым. — Быстро. Нужно имя, чтобы открыть восстановление. Без владельца процедуру не начать, а Миле помощь нужна сейчас.

Элиан присел к оборванному шнуру и к узлу, что стянул две рамы в одну. Узел был затянут туго, недавно, чужой рукой — и лежал он не на старой починке Найра. Старый ремонтный знак мальчика был в стороне, на боковой стойке, целый; а лопнуло не там. Критический узел был не его.

Элиан хотел это сказать.

Но раньше, чем он успел, на мокром поле упавшей записи — там, куда никто не ставил знака, — начал сам собой проступать знак. Бледный. Знакомый. Знак Найра.

И все на поле повернулись к мальчику. Раньше проверки. Раньше единого вопроса. Просто повернулись — потому что знак был уже там.

Под временным навесом, куда снесли спасённые листы, Найр стоял мокрый, бледный, и Элиан видел, что мальчику плохо не от дождя.

Он ловил чужое. Стыд Ровена, застывшего на помосте и не помогшего. Страх Деи, что гнала перенос. Боль Милы в задетом плече. И поверх всего — тяжесть на собственном рукаве, будто отметина набухала от близости чужой вины.

— На раме был твой знак, Найр, — сказала Дея. Не зло — почти с облегчением, что нашлось, за что ухватиться. — Проступил. Все видели.

Ровен молчал. Смотрел в землю и молчал.

И Найр сказал:

— Это было моё.

Три слова. И поле, ещё минуту назад дрожавшее общей бедой, выдохнуло. Мокрая запись под навесом перестала расплываться — чернила, что текли по сгибу, остановились и схватились, будто документ, услышав владельца, успокоился. Люди распрямились. Дея, только что метавшаяся, стала твёрже и увереннее: у беды появилось имя, а значит, можно действовать.

Элиан почувствовал это облегчение и сам. Оно было тёплым, человеческим, заразительным. И именно поэтому он заставил себя спросить:

— Что именно? — Он шагнул к Найру. — Что именно было твоё? Узел? Шнур? Ты соединял рамы? Ты приказал перенос? Что из этого — твоё?

— Я отвечал, — сказал Найр. Общей фразой, без единого существительного. — Это было моё.

Белый Укор стоял тут же, у края навеса, с чёрным колокольчиком. Колокольчик молчал.

И Элиан поймал себя на опасной мысли: раз Укор молчит — значит, Найр не лжёт, значит, правда. Он тут же одёрнул себя. Молчание колокольчика значило одно: Найр не искажает сознательно. Что он и вправду владелец — оно не значило вовсе.

— Он всё проверил заранее, — сказал вдруг Ровен. Поднял голову и сказал ясно, уверенно: — Найр утром проверил рамы. Я помню.

Элиан посмотрел на него. Ещё час назад Ровен прятал под верёвкой свой узел и молчал. А теперь он помнил, как Найр всё проверил, — помнил искренне, было видно. Его память менялась прямо здесь, подстраиваясь под уже проступивший знак.

Палата пришла быстро — и Элиан не мог не признать, что пришла хорошо.

Хольма, распорядительница Палаты Исправлений, появилась ещё до того, как унесли последний лист. Первым де-

лом она занялась Милой: перевязала плечо, послала за лекарем, устроила женщину под сухим навесом. Приняла на восстановление порванную семейную запись, обещала спасти что можно. Огородила упавшую раму, чтоб не пострадал ещё кто-нибудь. Всё быстро, толково, по-человечески — так работает система, которая вправду умеет помогать.

И той же рукой, тем же движением, Хольма вписала Найра ответственным и открыла восстановительную процедуру.

— Действие? — спросила Олна Порог. Она была из Дома Свободных Свидетелей и стояла чуть в стороне, с отдельной книгой. — В записи есть владелец — Найр. А какое действие он признал? Тут поле. Оно пустое.

Хольма глянула в лист. Поле «действие» и вправду было пусто: имя есть, поступка нет.

— Потом уточним, — сказала Хольма. Не отмахнулась — сказала как разумную вещь. — Сейчас важно начать помощь Миле, а помощь идёт по открытому делу, дело же открывается на владельца. Уточнить действие можно после. Всё равно ведь ясно, что...

— Что ясно? — тихо спросил Элиан. Но записи лучше этой он предложить пока не мог: закрой он сейчас дело — остановится и помощь Миле. Он это понимал и молчал.

А потом заупрямилась сама Мила. Ей поднесли завершённую запись — подписать, что дело оформлено. Она прочитала пустое поле действия. И не подписала.

— Тут не сказано, что случилось, — сказала она, баюкая

руку. — Тут сказано только чьё. Я так не подпишу.

И дело осталось открытым. Его нельзя было закрыть — из-за одной женщины с больным плечом, которая хотела существовать, а не имя.

Вечером Найр пришёл в лечебную комнату — извиниться перед Милой.

Комната была тихая, пахла настоями и мокрой тканью перевязей. Мила лежала, положив руку на подушку. Найр встал у порога, не подходя близко, и сказал, что ему очень жаль, что он всё исправит, что вред возьмёт на себя и починит семейную запись сам.

Мила выслушала. А потом задала свой вопрос — тот, что задала уже раз, на поле, и что теперь, в тишине, прозвучал ещё яснее:

— Что именно было твоё?

Найр открыл рот — и остановился.

— Узел ты вязал? — спросила Мила. Просто, по-детски, без всякой философии, как спрашивают о вещах. — Ты? Какой рукой? Шнур ты выбрал? Ты велел нести рамы вместе? Ты стоял там, где падало, где я стояла? Что из этого ты? Назови одно. Хоть одно.

Найр молчал. Он не знал узла — не знал, как тот завязан. Не знал шнура. Не знал ничьего приказа. Не знал, где стояла Мила. Он не мог назвать ни одного существительного. У него было только «моё» — и стыд, тяжёлый, настоящий, от которого «моё» и казалось правдой.

— Ты мне не веришь, — сказал он наконец, и в голосе была обида. — Я признался, а ты спрашиваешь так, будто ловишь меня на лжи.

— Я не тебя ловлю, — сказала Мила. — Я хочу знать, что сломалось. Мне с этим плечом жить. Я имею право знать что, а не только кто.

Элиан не стал вступаться за Найра. Он видел, что мальчик обижен, — и всё-таки вопрос Милы был правильный. Найр чувствовал узел так, будто вязал его сам. Только чувствовал он его в правой руке. А работал Найр, Элиан уже приметил, левой. Узел, который он звал своим, помнила чужая рука.

В это время Раньше, дремавший в углу, поднялся. Он подошёл к повреждённому листу семейной записи, что лежал на столике для просушки, обнюхал его — и пошёл к выходу. Мимо Найра. Не к нему.

Элиан встал и пошёл за зверем.

Глава 3. След, который не выбирает

Раньше вёл его по Нижним полям, как ведут по знакомой описи — от строки к строке.

Раннее утро было серым и мокрым после ночного дождя. Зверь шёл не спеша, останавливаясь у каждого важного места и оставляя след ровно под лапой. Он начал со старого ремонтного знака Найра на боковой стойке — обнюхал, но не сел: старое, чинёное, не то. Прошёл к изношенному шнуру. Потом — к учебному узлу, тому самому, тугому, что стянул две рамы. Потом к паре рабочих перчаток, забытых у помощника, — перчаток Деи. Потом к месту, откуда запускали перенос.

Он не остановился ни на ком одном. Он прошёл их всех, одного за другим, — цепочку рук, а не одну руку.

Тильда шла рядом и смотрела двумя взглядами.

— У меня две версии, — сказала она. — В одной Найр просто проверял раму, как проверял всё утро. В другой... в

другой он будто велит Ровену завязать узел. — Она нахмурилась. — Но вторая ни на чём не держится. Под ней нет следа. Раньше по ней не идёт. Она красивая и пустая.

Учебный узел Элиан осмотрел вблизи. И у самого узла, на петле, нашлась подпись — вдавленная в волокно метка мастера. Не Найра. Ровена.

— Это твой узел, Ровен, — сказал Элиан. — Твоя подпись. Учебный узел, твоя рука.

— Нет, — сказал Ровен. Искренне, ясно, без тени лжи. — Найр велел. Я помню, как он велел. Я только сделал.

Колокольчик Укора молчал: Ровен не врал. Он вправду так помнил.

А потом Элиан увидел это своими глазами. На петле, поверх вдавленной подписи Ровена, начал медленно проступать другой знак — бледный, знакомый. Знак Найра. Прямо сейчас, во время проверки, чужая подпись напознала на настоящую, и настоящая уходила под неё.

Аномалия работала не в архиве. Она работала здесь, у них на глазах.

Они отошли на пустую сушильную площадку, подальше от людей, и Элиан сказал Найру то, что уже сложилось:

— Узел вязал Ровен. Его подпись, его учебный узел. Перенос гнала, скорее всего, Дея — её перчатки, её надрез на шнуре, её команда «сначала листы». Твой старый ремонт цел и стоит в стороне. Ты, Найр, скорее всего, ни при чём. Тебя сделали виноватым.

Он ждал, что мальчик обрадуется. Найр не обрадовался.

— Месяц назад, — сказал Найр медленно, — я отметил, что вторая скоба на этой раме изношена. Отметил и не потребовал заменить сразу. Сказал: подождёт. Это моё. Маленькое, но моё.

— Это не причина падения, — сказал Элиан. — Скоба ни при чём. Рухнуло из-за узла и перегруза.

— Не в том дело, — сказал Найр, и голос у него окреп. — Ты сейчас делаешь то же, что они. Только наоборот. Они из всего лепят «виноват Найр». А ты из всего лепишь «Найр ни при чём». И то и другое — готовая версия, в которую меня суют, не спросив. — Он посмотрел Элиану в глаза. — Ты не знаешь, что я сделал. И я толком не знаю. Не используйте незнание как доказательство. Ни моей вины, ни моей невиновности.

Элиан замолчал. Мальчик был прав. Удобно было объявить его виноватым — город так и жил. Но объявить его целиком невиновным было ровно так же удобно и так же нечестно: это опять решало за него, опять лепило имя, только чистое вместо грязного.

И Элиан понял, чего от него на самом деле требуется. Не

защитить Найра. Не построить красивую версию «ребёнка использовали». А вернуть каждому его действие — включая ту маленькую скобу, которую и вправду отложил Найр.

Мост Возвращения был настоящим мостом — каменным, в открытых скобах — и одновременно записью. По его перилам шла резьба: строки о тех, кто прошёл его назад, в город, после исправления. Смотрителем при нём был Терен, молодой человек с медными накладками писца.

Терен показал строку Найра.

— Возвращение оформлено семь лет назад, — сказал он. — Работы по восстановлению выполнены. Жизнь и работа в городе разрешены. Мальчик прошёл мост. Он вернулся.

— А это что? — Элиан указал на приписку в конце строки.

— «Отметина сохраняется, — прочёл Терен, — до восстановления первоначальной записи».

Элиан перечитал дважды. И увидел ловушку — тихую, как всё здесь.

— Первоначальную запись, — сказал он, — вы восстановили за семь лет?

— Нет, — сказал Терен.

— Кто отвечает за её восстановление? Кому дан доступ к первой версии?

— В строке не указано, — сказал Терен, поискав. — Ни ответственного, ни срока.

— Значит, отметина снимется, когда восстановят первую запись. А восстановить её некому и некогда — ни срока, ни ответственного, ни доступа. И самому Найру к первой версии нельзя. Возвращение оформлено — и его нельзя завершить. Он вернулся в город, из которого не выпускают до конца.

— Меня вернули, — сказал вдруг Найр, и в голосе была не жалоба, а защита. — Эта самая строка вернула. Без неё меня бы отстранили насовсем — ни дома, ни ремесла. Она сохранила мне всё. Не ломай её.

— Я не ломаю, — сказал Элиан тихо. — Я вижу, что она сохранила тебе всё — и заперла на полпути. Это разные вещи, Найр. Тебя вернули. И оставили с несмываемой отметинной, которую по правилам давно должны были смыть.

Белый ключ в кармане Карманыча нагрелся — на той самой строке, где стоял срок. Точнее, где срока не было.

Элиан решил: надо добиваться доступа к старому делу. Иначе эту строку не закрыть никогда.

Вечером второго дня Элиана позвали в Палату Исправлений.

За длинным столом сидели те, кто решал за город: Хольма-распорядительница; Дорен, старший при архиве, с сухим спокойным лицом; Нера — женщина с покалеченной рукой, которую Элиан видел впервые и о которой ещё ничего не знал, кроме того, что её слушали особо; Олтар, ведавший помощью семьям; Олна Порог со своей отдельной книгой. Найр сидел с краю.

Элиан выложил, что нашёл. Учебный узел с подписью Ровена. Маршрут Раньше, что не сходится с единым владельцем. Знак Найра, наползающий на чужую подпись прямо во время проверки. Пустое поле действия в современной записи. Невыполнимое условие отметины на Мосту.

— Пересмотр не должен стирать вред, — сказала Нера. Голос у неё был ровный и твёрдый. — Что бы вы там ни распутали. Плечо Милы не срастётся оттого, что вы перепишете, чьё оно. И моя рука тоже. Смотрите, чтоб, возвращая имена, вы не стёрли самой беды.

— И ещё, — спокойно сказал Дорен. — Вы всё время говорите так, будто название дела и есть его причина. Это не так. «Ошибка Найра» — это лишь как мы дело зовём, чтобы отличать от других. Название — не причинность. Оно ничего не утверждает о том, кто что сделал.

— Тогда почему, — спросил Элиан, — никто в городе не

помнит это дело без имени Найра?

Дорен не ответил.

Доказать, что старая запись лжёт, Элиан не мог — он ещё не видел ни первой версии, ни того, что там было. А закрыть современную запись не мог тоже — её держала Мила своим отказом подписать. Он застрял между двумя делами, старым и новым, и оба упирались в одно имя.

— Даю ограниченную проверку, — сказала наконец Хольма. — Два дня. Смотрите поздние слои и современное дело. Но: к первой версии старого дела Найр не допускается, как и прежде. Официального названия дела мы не меняем. И вред остаётся в силе.

Условия были узкие. Слишком узкие: без первой версии и без права трогать имя половину узла было не развязать. Но это было хоть что-то — дверь, приоткрытая на два пальца.

Элиан согласился. Позже он поймёт, что согласился на слишком мало.

Глава 4. Второй край листа

Утром третьего дня Мерн Вязь показал, как работает то, что умеет Найр.

— Он чувствует шов, — сказал Мерн, раскладывая на столе чиненные листы. — Место, где правили. Где поверх старого легло новое. Но что было под низом, до правки, — этого он не знает. Никто не знает. Он чувствует, что тут исправлено, а не что тут было раньше.

— Значит, его чутьё показывает след, но не истину, — сказал Элиан. — Как у Раньше, как у Тильды. Тогда так и будем: Найр показывает место, а правду мы подтверждаем отдельно — материалом, датой, чужим свидетельством. Ни одно его ощущение не идёт в дело без второго подтверждения.

— Ограничивать чтение вправе мастер, — сказал Мерн, чуть суше. — Не гость.

— Я не объект, — сказал и сам Найр, и в голосе была та же обида, что у Милы вызвала «недоверие». — Что вы меня, как прибор, настраиваете.

— Не как прибор, — сказал Элиан. — Как свидетеля, которого нельзя заставлять свидетельствовать против себя вслепую.

Мерн между тем говорил дальше — о переносе, о том, как выглядит сильное чтение: дрожь правой руки, чужой жест, спутанное «моё», тяжесть под кожей. Он перечислял приметы точно, подробно, по порядку — слишком хорошо для человека, который лишь наставник по поздним слоям.

А Карманыч, тихо перебиравший у стены сохранённые обрезки, вдруг поднял голову.

— Тут фраза, — сказал он. — Потерянная. Обрывок. — Он прислушался к своему карману. — «Я разрешил».

— Чьё? — спросил Элиан.

— Пока не установлено, — сказал Карманыч. — Только слова. «Я разрешил».

— Без контекста это ничьё, — быстро сказал Мерн. — Мало ли кто что разрешал. Не пришивайте обрывок ко мне.

Элиан и не пришивал. Но отметил: наставник знал приметы переноса чересчур хорошо и на слова «я разрешил» откликнулся раньше, чем их к нему кто-нибудь отнёс.

В архиве поздних слоёв Верна — молодая, дотошная хра-

нительница — принесла копию транспортной полоски: узкой бумажной ленты, которой семь лет назад связали пакеты в один общий свод.

— Оригинал под запретом, — сказала Верна. — Это точная копия. Всё, что можно.

Найр взял полоску в руки — и Элиан снова увидел, как мальчика повело. Он читал её, и в него влилось разом слишком многое: несколько разных бумаг под пальцами, разных на ощупь; чья-то чужая ладонь, шире его; тяжёлый рычаг, которого он не тянул; сухая бумажная пыль; и общий, густой стыд, как воздух перед грозой.

— Это всё моё, — тихо сказал Найр. — Я чувствую. Всё это было в моих руках.

— Не помещается, — сказала Тильда. Она смотрела на полоску двумя взглядами. — Найр, послушай. Столько ладоней, столько бумаги, рычаг — это не одно тело за один раз. Это несколько человек. Ты чувствуешь не только своё. Ты чувствуешь всех, кто держал эту ленту.

Материально полоска подтверждала её. Карманыч и Верна разобрали ленту на волокна: их было семь, и все семь — из разной бумаги, разной выделки, из семи разных пакетов. Один старый сгиб. Знак Найра — с краю. И поздний шов, стянувший всё вместе.

А потом Найр, держа копию, вдруг повторил чужое движение: перехватил ленту и потянул — правой рукой, с силой, которой у двенадцатилетнего не было и в помине, движени-

ем взрослого, тянущего тяжёлый рычаг.

Он сам испугался своей руки.

— Это не я так делаю, — сказал он. — Я так не тяну. Я даже не знаю, что сейчас показал.

Впервые стало видно ясно: в Найре живёт чужая рука — та, что сама помнит движение, и которую он принимал за свою.

В лаборатории бумаги и швов — комнате с лампами, лампами и запахом клея — полоску исследовали по слоям.

Тильда показывала две версии, накладывая взгляды один на другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.